

АРХАНГЕЛЬСК В ПРОШЛОМ И СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Л. Д. Попова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
Архангельск, Россия
popova.ld@yandex.ru

В статье представлен ряд историко-градостроительных особенностей поморского города с конца XVI по начало XXI века в историко-культурной перспективе как целостной идейно-семантической программе. Эта программа была свойственна средневековому городу, сохранившему преемственность в Новое время, хотя его развитие шло в русле общей архитектурной традиции, творчески интерпретируя приёмы и мотивы различных стилей: от барокко до модерна. В эпоху эклектики значимой основой для них стали традиции новгородской, московской, ярославской и особенно северной народной архитектуры. В начале XX века эклектика уступила первенство архангельскому модерну, проявившемуся здесь в предреволюционный период. Он был ориентирован в основном на строго рационалистическое и функциональное направления. Исключением стали торговые дома, построенные по проектам С. А. Пеца, с их выразительной архитектурой, деревянный дом Я. Беляевского, уличный фасад которого насыщен декором, сочетает себе резную обшивку и открытый сруб. Здесь удивительно соединились приёмы русского деревянного зодчества с формами модерна и традиционной скандинавской архитектуры. Все представленные художественные стили, отвечавшие вкусам времени, оставались глубоко национальными. В начале XX века интерес к новаторским явлениям западноевропейского искусства соседствовал с глубоким интересом к художественной культуре русского народа, его традициям. «В России проснулась благодатная страсть к своему прошлому» (И. Евдокимов). В XX–XXI вв. эти традиции прерываются, что приведёт к исчезновению исторического города.

Ключевые слова: Россия, Поморье, Архангельск, «град»-город, монастырь, гостиные двory, архитектура, художественные стили.

ARKHANGELSK SPATIAL ORGANIZATION IN THE PAST AND TODAY: COMPARATIVE STUDY

Lyudmila Popova

Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia
popova.ld@yandex.ru

The paper deals with Arkhangelsk town-planning features in the historical and cultural perspective from the end of the 16th to the beginning of the 21st century. The Pomorian city is represented as the condensed essence of a holistic ideological and semantic program which peculiar to the Russian medieval city. Arkhangelsk is developing in the tideway of the general Russian architectural tradition and of its creative interpretation of various styles techniques and motifs: from baroque to modern. The primary focus is on the eclecticism and art nouveau periods. In the eclecticism era the Novgorod, Moscow, Yaroslavl and especially northern folk architecture traditions became a significant basis for them. At the beginning of the 20th century the eclecticism yielded precedence to the Arkhangelsk art nouveau, manifested here in the pre-revolutionary period. It was focused mainly on a strictly rationalistic and functional direction. The trading houses, built according to designs of S. A. Pets with their distinctive architecture and the Belyaevsky's wooden house with the filled with decor street façade, that combines carved paneling and open log became exceptions. The techniques of Russian wooden architecture with the forms of the art nouveau and the traditional Scandinavian architecture surprisingly combined here. All presented art styles that followed the tastes of the time remained deeply national. At the beginning of the 20th century, interest in innovative phenomena of Western European art coexisted with a deep interest in the artistic culture of the Russian people, its traditions. "In Russia, a fertile passion for its past woke up" (I. Evdokimov). In the 20th – 21st centuries, these traditions are being interrupted, which will lead to the disappearance of the historical city face.

Keywords: Russia, Pomorye, Arkhangelsk, 'grad'-city, monastery, traders' market, architecture, art styles.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-3-145-154

В контексте современной культуры город – это место существования человека-интеллекта, обременённого памятью столетий, живущего теоретическими проблемами. Чем больше «на лице» города памятников архитектуры прошлых веков, тем значительнее он в глазах человека, тем выше психологический комфорт жителя, поскольку эстетические качества среды влияют на поведение и эмоциональ-

ное состояние людей. Утрата исторической памяти обрекает людей, живущих в нём, на не очень счастливое существование. Как пишет В. В. Ванслов, «человек нередко оказывается потеряннным и подавленным в современном городе» [Ванслов 2007, 52]. Подобное состояние ныне наблюдается в Архангельске, который утратил культурное пространство прежних времён, формируемое сооружениями различных эпох и образующее временную связь через знаки, символы и архитектурные тексты.

Архангельск являлся во многих отношениях идеальным городом, обладающим всеми качествами социокультурной системы, поскольку создавался Иваном Грозным для целенаправленного выполнения тех функций, которые свойственны городу XVI века. По указу царя был создан и искусственный микроландшафт – новый город, получивший в 1587 году статус Новохоломгорского посада. Новые Холмогоры лишили значимости древние Холмогоры, подобно тому, как Константинополь для православных христиан явился заменой «ветхого» Рима. В самом названии закладывалась идея превосходства будущего Архангельска над «старыми» Холмогорами. Приведённое сравнение уместно, поскольку образ Иерусалима тогда присутствовал постоянно в православном сознании. Через Великий Новгород оно пришло и в Нижнее Подвинье.

Превосходство над новгородскими Холмогорами и идея Москвы как третьего Рима выразились в строительстве Архангельской крепости, то есть «города», появившегося на окраине православного мира, на торговом пути к западноевропейским странам через Северную Двину и Белое море.

Воеводы, прибывшие из Москвы в Новый город, инженеры-фортификаторы – Пётр Афанасьевич Нащокин и Алексей Никифорович Залешанин-Волохов (1541–1590) – построили на возвышенном мысу, называемом Пур-Наволок, деревянную крепость (1583–1584), которая стала главным градообразующим элементом в пространственной структуре города. Крепость построили быстро. Для этого на Севере имелись благоприятные предпосылки и, можно сказать, уже подготовленная почва. Таким образом, сотрудничество московских инженеров с северными мастерами было исключительно плодотворным.

Внушительные стены с высокими башнями, возвышавшиеся в месте слияния рукавов Северной Двины, делали крепость и в глазах иностранцев идеальным русским замком. Французский моряк Жан Соваж, принимавший в 1586 году участие в плавании к «новоустроенному городу», в своей «Записке» дал описание «крепкого замка»,

который «имеет хорошие бастионы и хорошо стреляет, мы сами видели пальбу их <...> постройка его превосходна, нет ни гвоздей, ни крючьев, но так всё хорошо отделано, что нечего похулить; хоть у строителей русских все орудия состоят в одних топорах. Но никакой архитектор не сделает лучше того, как они делают» [Соваж 1841, 228]. Это описание свидетельствует об оригинальных архитектурно-художественных свойствах крепости, рассчитанной на обозрение как с внешней, так и с внутренней стороны, а также о значимости для строителей не только функциональности, но и эстетического восприятия оборонного сооружения.

Заключив в структуру своей композиции постройку Михайло-Архангельского монастыря, стоявшего здесь с XII века, «город» обрёл новую красоту и наполнился священным смыслом. Официальное название Новые Холмогоры не прижилось, его стали называть Архангельским городом, Архангелом Михаилом (так он вошёл во все европейские карты) – по имени небесного покровителя города. Благодаря этому сакрализировался сам город. Герб Архангельска семантически соответствует имени города: как сказал М. Ю. Лотман (правда, по поводу герба Петербурга), «имя и герб предстают как словесное и визуальное выражение общей идеи». Так священное своеобразие и исключительная многогранность архитектурно-художественного выражения легли в основу восприятия и формирования города как самостоятельного архитектурно-пространственного организма.

Архангельская архитектура конца XVI–XVII веков свидетельствовала о наличии местных опытных мастеров. Вокруг крепости появляются храмы, преимущественно с шатровыми кровлями, давшие названия крепостным башням, а также гостиные дворы для русских и иностранных купцов. Архангельск становится инициатором культурных коммуникаций между странами Западной и Северной Европы. Культурное пространство города органично сочетает исторические традиции зодчества, в котором прослеживаются новгородские, раннемосковские символы, и особое региональное «месторазвитие, ландшафт»: лес, реку, близость к морю. Всё было овеяно «священным» и «ритуальным» характером, поскольку не существовало различия между «священным» и «профанным». В ту пору, по наблюдениям Р. Генона, «традиционно определялись не только условия строительства зданий, шла ли речь о храмах или о домах, но также и сами условия основания городов» [Генон 2003, 37].

Во второй половине XVII века Архангельск становится крупным центром русской торговли и главным портом России в торговле с Западной Европой. Это его значение «первых ворот Российского

государства», а также необходимость обезопасить товары от огня, поскольку деревянный город часто горел, и побудили царя Алексея Михайловича издать указ (26.06.1667) о возведении каменных Гостиных дворов взамен сгоревших деревянных.

Грандиозный каменный комплекс Гостиных дворов (1668–1684), выстроенный в традициях древнерусской архитектуры с круглыми башнями по углам, на которых располагались пушки, включил в себя и каменную же крепость с башнями, получившими бойницы с амбразурами «в нижних и верхних ярусах для обстрела неприятеля», что явилось новым словом в истории русского зодчества. В результате крепостью становились и Гостиные дворы. Все угловые боевые башни, кроме одной Северной, свои названия получили от находящихся неподалёку церквей, как и въездные ворота, то есть были сакрализованы. Гостиные дворы вытянулись вдоль реки на 480 метров, и эта протяжённость главного фасада, отвечавшая широте водного пространства, и подчёркнутая повторяемость основных элементов стали главными выразительными чертами архитектуры комплекса. Таким обширным, с зубчатыми стенами «города», очень высокой центральной башней предстаёт он на гравюре голландского художника Корнелия де Бруина – путешественника, побывавшего в Архангельске дважды (в 1701 и 1708 годах) и оставившего его описание [Бруин 1873, 27].

В Новое время развитие города продолжается. Архангельск, вытянутый на несколько километров вдоль Северной Двины, теряет символы старого города, преобразовывается его культурное пространство, хотя здесь ещё какое-то время сохраняется и прежняя организация жизненного пространства, и взаимосвязь ландшафта и архитектуры.

Градостроительным центром по-прежнему оставались Гостиные дворы. В 1780–1790 годах всё здание подверглось значительной перестройке. В 1789 году к центральной части пристроили биржу, которая стала композиционным центром речного фасада.

Площадь на месте бывшей сгоревшей деревянной крепости оформилась вокруг Свято-Троицкого собора. Здесь при изменившейся функции площади сооружения прошлых эпох включались как равноценные объекты наряду с вновь строящимися зданиями в новую объёмно-планировочную структуру. На прежних своих местах сохранились храмы, воспринимавшиеся в коллективном сознании как нечто незыблемое, которые стали основными единицами квадратного плана площади, а круглая ограда кафедрального собора приобрела значение центра, обладающего силой «притяжения».

Михайло-Архангельский монастырь после городского пожара 1636 года переносят вверх по берегу Северной Двины. Уступая своё место новому городу, он не перестаёт быть народным и возрождается на въезде с юга – так вкупе с одноимённым собором монастырь превращает всё городское пространство в ансамбль храма Михаила Архангела как покровителя Поморской земли. Одна из видовых точек на обитель открывалась с верховья Двины, откуда монастырь вырастал постепенно, приоткрывая начало города. Отсюда Архангельск начинался, и стоящий монастырь означал теперь его границу с юга, однако прекрасно смотрелся он и с противоположной, северо-западной стороны, как с далёкого расстояния, так и вблизи.

Появившиеся на русской почве европейские художественные стили, прежде всего барокко, отодвинули древнерусские традиции зодчества на второй план. Однако мотивы барокко, применявшиеся в городской архитектуре вплоть до второй половины XVIII века, использовались здесь главным образом лишь в декоре. В основе же своей архитектура, во всяком случае культовая, развивалась в прежних традициях. Вполне уместно вспомнить здесь слова В. Г. Белинского: «Пётр Великий, приобщив Россию европейской жизни, дал через это русской жизни обширнейшую форму, отнюдь не изменил её субстанционального основания, точно так же, как представители нового европейского мира, усвоив себе роскошные плоды, завещанные ему древним миром, отнюдь не сделали ни греками, ни римлянами, но развивались в собственных самобытных формах» [Белинский 1859, 261].

Екатерининское время также привнесло свои характерные художественные черты в облик города. Архангельск получил генеральный план (1794), который положил начало изменению его градостроительной среды, архитектуры и который был ориентирован на классицизм, имеющий своей основой «античный образец». Старые здания реконструировались под этот образец. Речной фасада Гостиного двора также получил классицистический «наряд». Весь город застраивался по образцовым фасадам, присланным из столицы. Даже промышленная архитектура входит в общую стилевую систему. Так, архитектура бывшего сахарного завода в Архангельске несёт на себе отпечаток утилитарных функций, выполняемых зданием, но одновременно являет образец «чистого стиля»; здесь сталкиваются два мира – реальный и идеальный одновременно. Эта двойственность архитектуры, свойственная классицистическому строительству в промышленности, повторится и в XIX – начале XX века.

Архитектура «под античный образец» сменилась эклектикой, проявившейся многообразием внутрискладовых направлений: «кирпичный» стиль в промышленной архитектуре, барокко и неоклассицизм – в строительстве общественных зданий. Отдельную группу составляют храмы, выполненные в «русском» стиле. Самым характерным примером интерпретации русского стиля в Архангельске был храм иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость (1910, не сохранился). Его художественный образ, ориентированный на возрождение традиций древнерусского искусства и искусства русского барокко XVII века, определял обильный декор из поясков, кокошников, бегунца, мастерски выполненных из красного кирпича. При строительстве небольших храмов специфическими формами, придающими национальный характер, стали шатрообразные формы колоколен. Русский стиль в Архангельске был широко распространён, как и архангельский модерн, появившийся здесь в предреволюционный период. Он был ориентирован в основном на строго рационалистическое и функциональное направления. Исключением стали здания, построенные по проектам С. А. Пеца и А. А. Каретникова, и деревянные дома, уличный фасад которых насыщен декором, сочетающим в себе резную обшивку и открытый сруб. Здесь удивительно соединились приёмы русского деревянного зодчества с формами модерна и элементами скандинавской архитектуры.

Все перечисленные художественные стили отвечали вкусам времени, но при этом всегда несли в себе национальные особенности. И в начале XX века интерес к новаторским явлениям западноевропейского искусства сочетался с глубоким интересом к художественной культуре русского народа, его традициям. Не стало величественной деревянной крепости, призванной некогда защищать город от враждебных набегов, однако сохранился каменный Гостиный двор – не менее важный индикатор состояния культурного пространства, в пределах которого сосуществовали представители разных сословий. Храмы выстраивались вдоль берега, удачно вписываясь, так сказать, в исторический интерьер, сакрализуя окружающее пространство, и придавали Архангельску особую значимость. Северная Двина определила облик города, который к началу XX века являл собой законченное градостроительное целое, и стала доминантой в планировке, сочетающей в себе как «живописный», так и «регулярный» образ.

Однако историческая преемственность постепенно уступала место новым веяниям последующих времён. В XIX веке стены немецкого Гостиного двора начали разбирать, на их месте выросли

классицистические здания Присутственных мест и дом губернатора. В советское время эти два великолепных памятника стали основой для административного здания, затем на месте стен Гостиного двора выросли главпочтамт и ещё одно административное здание. До наших дней сохранилась лишь незначительная часть бывшего величественного сооружения русского Гостиного двора, по-прежнему являющегося градоформирующим ядром на набережной Северной Двины.

Следующий шаг деградации исторической среды был сделан в 1920–1930-е годы, когда большевики стали методически разрушать самое главное, что создавало некогда единое космологическое мироощущение человека – церкви. Погиб ансамбль Михайло-Архангельского монастыря, игравший важную духовную роль, не пощадили музей старины – Древлехранилище, имевший редкие экспонаты – иконы, золотое лицевое шитьё, старые рукописи – и известный не только на Севере, но и по всей России.

В эту пору Архангельск производил двойственное впечатление: «С одной стороны, явно видно, что он связан с заграницей и что тут бывает Европа. Маленькие трамваи <...> ходят не по-нашему: идут от остановки не вправо, а влево, – говорят, так в Европе; парикмахерские украшены надписями на английском языке; на улицах встречаются и другие нерусские моряки <...>. Но вместе с тем – много маленьких деревянных домишек, провинциальные садики, захламлённые дворы <...>. Несуветная грязь на мостовых и тротуарах», – так пишет Н. П. Колпакова, посетившая Архангельск в 1927 году [Колпакова 1973, 60].

В последующие десятилетия Архангельск терял единство художественного образа, европейский дух и многие сакральные объекты. И всё же старые дома ещё оставались. Ещё можно было пройти «по любому переулку и через двести метров очутиться как бы в глубокой провинции и в прошлом веке...», – писал в 1960 году Юрий Казаков. «Дома – одноэтажные и двухэтажные, с высокими крышами, с наружными лестницами, напоминающими трапы, с петушками в их антресолях, в маленьких окошечках есть что-то милое, давно забытое, чуть ли не голландское. А во дворах – трава, и колодцы, и старые ивы, и мостки, и сараи...» [Казаков 1973, 52].

Однако в эти же годы переход на массовое строительство привёл к снижению художественной ценности архитектуры, её духовному опустошению. В 1970–1980-е годы формировалась функциональная среда без архитектуры. Объёмы зданий были стилистически нейтральны, лишены архитектурного языка, его знаков и метафор,

свойственных традиционному зодчеству, и понятных и известных жителям. Преобладание серого цвета создавало гнетущую монотонность.

В пространственной системе города оставалась широкая Северная Двина как стержень внутригородской композиции, как главная магистраль на линии обжитого ареала севернорусского ландшафта на границе миров – моря и суши, на пограничном пространстве между Россией и Западной Европой. Образ города ещё интересен, вдохновляет на яркие характеристики. «Архангельск и хранитель великой древнерусской культуры, и город-новатор. Он обращён и к европейской культуре, и страж русской национальной культуры в самом центре самой национально богатой русской земли. Он обращён и к нашему будущему, и к нашему прошлому, откуда черпает свои моральные силы.

Это город-богатырь на заставе – морской и сухопутной...

Если можно сравнить город с человеком, то Архангельск во всём подобен Ломоносову. Он вырос на богатой почве древней национальной культуры, воспринял западноевропейскую образованность, продвинул вперёд национальную русскую науку, обогатил русскую поэзию и искусство.

Архангельск озарён северным сиянием русской славы», – такие слова оставил о городе Д. С. Лихачёв [Лихачёв 1984, 4]. К сожалению, нет надежды на архитектурное будущее, поскольку бесценная уникальность исторического облика стала теряться. Ныне он нуждается в защите от чрезмерной урбанизации, ибо новые преобразования городского пространства разрушают зримый образ архангельского стиля.

В XXI веке продолжают возводиться строения, «непооявление» которых было бы благом. Ныне существует попытка восстановить главный собор города и идею соборной площади на новом пространстве. Но возникшие в непосредственной близости современные здания не позволяют восстановить даже идею прежнего архетипа в своём первоначальном смысле – места встречи, общения людей, ибо рядом располагаются ещё и транспортные узлы. Объём нового храма связан с историческими формами, так сказать, с его «посланиями», но он не вступает в диалог с окружением – его архитектурой и пространством, который всегда существовал в едином контексте одного города.

Ныне создаётся бесконечное количество не утверждённых «проектов зон охраны объектов культурного наследия Архангельска», в которых теперь отмечены лишь отдельные «ризомы» вместо

прежнего сосредоточения памятников в историко-культурном ареале. Многие территории, претендующие на статус охранных зон, весьма дискуссионны, поскольку принципы сложившейся системы сохранения культурного наследия не в полной мере соответствуют современным требованиям. Многие памятники архитектуры и истории, охраняемые государством, попадают под снос. Если нельзя снести, то здания при молчаливом попустительстве городского чиновничества обезображиваются, а деревянные – поджигаются.

Отметим, что с течением времени менялись идеи, смыслы, но сохранялась изначальная целостность Архангельска, характерная для древнерусского градостроительства, где город – открытая во времени и пространстве система. Это символ возможного преображения мира. Архангельск утрачивает высокий духовный тонус городского пространства, что приведёт к исчезновению исторического города.

Утрат не вернуть. Но уже можно оценить их и принять как урок.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белинский 1859 – *Белинский В. Г.* Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду // Сочинения. Ч. III. Москва, 1859. С. 261–270.
- Бруин 1873 – *Бруин К. де.* Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. Москва, 1873.
- Ванслов 2007 – *Ванслов В. В.* Амбивалентность художественного образа города в искусстве // Обсерватория культуры. 2007. № 6. С. 52–55.
- Генон 2003 – *Генон Р.* Избранные сочинения: Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. Москва, 2003.
- Казаков 1973 – *Казаков Ю. П.* Северный дневник. Москва, 1973.
- Колпакова 1975 – *Колпакова Н. П.* У золотых родников: Записки фольклориста. Ленинград, 1975.
- Лихачёв 1984 – *Лихачёв Д. С.* Былинный край: Слово об Архангельске // Правда Севера. 1984. 25 марта.
- Соваж 1841 – *Соваж Ж.* Записка о путешествии в Россию Жана Соважа в 1586 году // Русский вестник. 1841. Том. 1. Ч. 1. С. 223–230.

Материал поступил в редакцию 27.04.2018